

(например, в литовском языке, в иврите) форма множественного числа имеет значение «более двух».

Одноименные грамматические категории разных языков являются полностью гетерогенными, если семантическое содержание соответствующих граммем существенно отличается. Полная гетерогенность одноименных грамматических категорий обусловлена различными способами концептуализации действительности разными языками. Примером может служить категория глагольного вида, которая в славянских языках представлена грамматическими значениями совершенного и несовершенного видов, а в английском языке – общего и длительного видов. В то время как в славянских языках категория вида выражает отношение действия к его внутреннему пределу или результату [26: 35], в английском языке категория вида передает характер протекания действия [27: 8]. Поэтому между семантикой видов славянского глагола и английского глагола нет непосредственного соответствия: длительный вид переводится несовершенным видом, но несовершенный вид может переводиться как длительным, так и общим видом. Переводчик должен сделать выбор на основе узкого или широкого контекста.

Полностью гетерогенными могут быть одноименные грамматические значения даже в родственных языках одной подгруппы. Примером может служить семантика перфектной формы в трех западногерманских языках – немецком, английском и идише. Немецкий перфект обозначает прошедшее действие, связанное с настоящим моментом своим результатом; соответствующая аналитическая конструкция английского языка воспринимается его носителями как настоящее время, а внешне совпадающая с ней конструкция языка идиш обозначает прошедшее действие вообще, вовсе необязательно связанное с настоящим моментом:

нем. Ich habe das gemacht (прошедшее время – претерит);

англ. I have done it (наст. время перфектного разряда);

идиш Ix hob gemaxt dos nextn. (общепрошедшее время).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Каждый язык создает специфическую картину мира, которая представляет собой способ его концептуализации. Этническая специфичность ЯКМ проявляется не только на лексическом уровне, но и на грамматическом уровне – в семантически значимых грамматических категориях.

2. С точки зрения сопоставительной семантики одноименные грамматические категории можно разделить на гомогенные, частично гетерогенные и полностью гетерогенные.

3. Полностью гетерогенными могут оказаться одноименные грамматические значения даже близкородственных языков.

4. Элементы ЯКМ, закодированные в грамматической системе определенного языка, должны учитываться в процессе перевода.

Работа по исследованию роли грамматической семантики в представлении ЯКМ может быть продолжена на материале других языков.

Литература

1. Радбиль Т. Б. Языковая картина мира как коррелят классической дихотомии «язык – речь» // Лингвистика на исходе XX века. Тезисы международной конференции. – Том II. – М.: Филология, 1995. – С. 434-435.
2. Кононенко І. В. Національно-мовна картина світу: зіставний аспект (на матеріалі української та російської мов // Мовознавство. – 1996. – №6. – С. 39-46.
3. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 314 с.
4. Урысон Е. В. Языковая картина мира и лексические заимствования // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 79-82.
5. Пирлік Н. В. Категорія часу у мовній картині світу // Семантика мови і тексту. Збірник статей VI міжнародної конференції 26-28 вересня 2000 року. – Івано-Франківськ: Пласт, 2000. – С. 460-464.
6. Олександрів Л. П. Мовна картина світу сучасних британців // Там само. – С. 426 - 428.
7. Новикова Н. С., Черемисина Н. В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира. – ФН. – 2000. – №1. – С. 40-49.
8. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, 2001. – 161 с.
9. Кісь Роман. Мова, думка і культурна реальність (від Олександра Потебні до гіпотези мовного релятивізму). – Львів: Літопис, 2003. – 303 с.
10. Мечковская Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М.: Флинта – Наука, 2003. – 312 с.
11. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
12. Тропинина Н. П. Семантические деривации и языковая картина мира // Вісник Черкаського університету. – Випуск 24. – Серія Філологічні науки. – Черкаси, 2001. – С. 12-15.
13. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира. – К.: КНУ, 2002. – 293 с.
14. Урысон Е. В. Указ. соч.
15. Мечковская Н. Б. Указ. соч.
16. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
17. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: УРСС, 2000. – 383 с.
18. Бондарко А. В. Классификация морфологических категорий // Типология грамматических категорий. – М.: Наука, 1975. – С. 56-76.
19. Руденко Д. И. Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 19-35.
20. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
21. Плунгян В. А. Указ. соч.
22. Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 16 - 24.
23. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: УРСС, 2002. – 404 с.
24. Вежицкая А. Указ. соч.
25. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
26. Ганич Д. І., Олійник І. С. Словник лінгвістичних термінів. – К.: Вища школа, 1985. – 360 с.
27. Міліх Н. Г., Перебийніс В. С., Рукіна Е. П. Морфологія англійського дієслова. – К.: Либідь, 1995. – 220 с.

Литвинникова О. И.

ГЛАГОЛЫ ОТАДЪЕКТИВНОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ В РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Отадъективные глаголы русского языка привлекали внимание лингвистов как историей своего развития (П. С. Сигалов), так и структурно-семантическими особенностями (Р. В. Бахтурина, И. С. Улуханов,

М. Н. Яценецкая, А. Н. Тихонов, Е. С. Кубрякова, Э. П. Кадькалова, Т. В. Иванова, И. Г. Милославский, А. В. Никитевич и др.) – всем тем, что в значительной степени определяет область изучения данных производных.

Центральным при исследовании мотивационной основы глаголов является понятие мотивированности, которое неоднородно, что находит отражение в существующих точках зрения на проблему мотивированности семантики производных слов. Одна из них связана с соотношением понятий *производность* и *мотивированность*.

В многочисленных исследованиях по изучению соотношений между производными и производящими словами, осуществленных на материале русского литературного языка рассматриваются вопросы тождества и различия значений словообразовательно связанных слов (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, И. С. Улуханов, З. А. Монастыренко, А. Н. Тихонов и др.). При этом не все лингвисты одинаково подходят к пониманию тождества [2, с. 113]. Так, А. Н. Тихонов считал, что тождество лексических значений (ЛЗ) производного и производящего обеспечивается в том случае, если «производное слово дублирует все значения производящих. У них совпадают и классификационные значения» [6, с. 114]. И замечал при этом, что в отношении однокорневых слов, принадлежащих к разным частям речи, лучше говорить об их структурно-семантической общности, а не о тождестве. З. А. Монастыренко признает семантическое тождество и в том случае, «когда производное и производящее обнаруживают абсолютное совпадение (тождество) семем, даже при разнице категориальных значений словообразовательно соотносимых слов» [4, с. 10]. Е. С. Кубрякова понимает семантическое тождество словообразовательно связанных слов несколько шире, утверждая, что оно «характерно для слов, связанных отношениями словообразовательной производности по конверсии при совпадении их лексических значений» [1, с. 58].

Однако полного копирования семантической структуры базового прилагательного, видимо, нет: семантическая структура прилагательного может быть богаче за счет оттенков, а глагол – может иметь производное значение, отсутствующее в семантической структуре исходного (мотивирующего) прилагательного. Ср.: *неметь* – 1. Становиться немым, терять способность говорить. 2. Терять чувствительность (*немой* – 1. Лишенный дара речи, способности говорить. 2. Такой, который выражается без участия речи, безмолвный) и т.д.

Следовательно, присущая глаголу многозначность выражается не в количественном соотношении с другими частями речи, а в качественном – в емкости и четкости семантической структуры глагола, т. е. в возможности употребляться в различных условиях речи (текста), приобретая разнообразные оттенки, разветвляя систему значений. Именно поэтому для определения семантических типов отадективных глаголов учет только характера толкования значений является недостаточным (тип отсылочного толкования в словарях раскрывает лишь общие мотивационные отношения): *густить* – ‘делать густым’. Семантическая структура мотивирующего прилагательного *густой* включает в себя 4 значения – 1. Состоящий из многих, близко друг к другу расположенных предметов. *Густая роца*. 2. С ослабленной текучестью, насыщенный. *Густая сметана*. 3. Сосредоточенный, плотный (о газообразном). *Густые облака*. 4. Полнозвучный (о голосе). *Густой бас* (низкий); *слабеть* – ‘становиться слабее’. Лишь 5-ое (из 7) значение прилагательного *слабый* не участвует в формировании семантики глагола: 5. Неискусный, плохой. *Слабая книга*.

Структурно-семантическую характеристику отадективных глаголов представим с позиций синхронного семантико-грамматического описания, в гораздо большей степени учитывающего семантику единиц мотивационных пар, целью которого служит определение словообразовательной структуры производного через ближайшее по смыслу и по структуре, чтобы границы – смысловая и формальная – в производном совпадали. Таким образом, принцип анализа «производное – производящее», причем последним является семантически мотивирующее родственное слово.

Фактический материал извлечен из имеющихся региональных словарей и личных записей, картотеки автора статьи.

По нашим наблюдениям, мотиваторами изучаемых производных выступают качественные по разряду имена прилагательные (ИП), преимущественно непроизводные по структуре. Инвентарь словообразовательных значений (СЗ) отадективных глаголов следующий: ‘становиться / стать таким...’; ‘делать / сделать таким...’; ‘быть таким...’; ‘побыть таким...’; ‘перестать быть таким...’; ‘притворяться / притвориться таким...’ и т. д. Модификации названных СЗ могут быть связаны с использованием наречий, указывающих на степень признака, входящих в словосочетания – перифразы СЗ, например: ‘становиться / стать (очень, слегка, несколько, немного, слишком) таким..., как таким ... (похожим)...’.

При мотивировке признаком описательные сочетания, как правило, двусловны: *взвеселеть, взвеселиться, повеселеть, развеселеть, развеселиться* – ‘стать веселым (веселее)’; *веселеть, взвеселяться* – ‘становиться веселым (веселее)’; *веселить, взвеселять, извеселять, завеселять* – ‘делать веселым (веселее)’; *взвеселить, завеселить, развеселить, извеселить* – ‘сделать веселым (веселее)’; *веселиться* – ‘быть (казаться) веселым (веселее)’; *повеселиться* – ‘побыть веселым’; *отвеселиться* – ‘перестать быть веселым’ и т. д.

По характеру смысловой соотносительности единиц мотивационных пар все производные, независимо от того, исходными (мотивирующими) для них являются ИП, называющие «внешние» или «внутренние» признаки, организованы 4 группами (с учетом их продуктивности): а) моносемичные глаголы мотивируются полисемичными ИП; б) единицы мотивационных пар моносемичны; в) единицы мотивационных пар полисемичны; г) полисемичные глаголы мотивируются моносемичными ИП.

В рамках регламента публикации покажем это на примере глаголов СЗ ‘стать таким...’, мотивирующихся непроизводными по структуре ИП, называющими «внешние» признаки предмета.

Количество производных глаголов а) группы, образованных от одного ИП, колеблется от 2 до 12. Наиболее многочисленны единицы, мотивирующиеся прилагательными, называющими цвет. Более того, количество таких глаголов почти всегда стабильно (7-8). Определенная количественная стабильность характерна и для производных, мотивирующихся прилагательными, находящимися в синонимичных отношениях: от ИП *полный* создано 4 глагола, *толстый* – 5, *тучный* – 5; от ИП *слепой* – 3, *тёмный* (в значении ‘слепой’) – 2 и т. д.

Нередко количество производных глаголов корректируется наличием «чисто» местных названий тех или иных признаков. Мотивирующие ИП называют чаще всего физические характеристики человека или животного, внешность, цвет и т. п. Ср. некоторые из них: *выбелиться, забелеть, избелиться, набеливаться, обелиться, побелеть, пробеливаться* (широко распростран. в диалектной речи) мотивируются 1-ым значением (из 4-х) ИП *белый* – 'цвета снега, молока, мела'; *выхорошеть, захорошеть, охорошеть, похорошеть, расхорошеть, ухорошеть* (арх., волог., яросл.) мотивируются разными значениями ИП *хороший*: 1-ым (из 10) – глагол *захорошеть*, в котором «внешние» и «внутренние» признаки неразделимы: *Девка твоя, глежу я, Марфа, захорошела, прямо налилася вся, мотри, греха бы не стало* (арх.). Для остальных глаголов мотивирующим является 9-ое значение ИП *хороший* – 'красивый'.

Глаголы *вымалеть, замалеть, обмалеть, смалеть, умалиться* (широко распростран.) мотивируются 5-ым значением (из 6) ИП *малый* (маленький) – 'меньшего, чем нужно, размера'. Ср.: *Обмалела пальтушка, да купить-то не на что, так и ходит, как с печки соскочила, хоть и невеста уж* (горьк.); 1-ым значением 'незначительный по величине, размерам' мотивирован глагол *перемалеть*. Ср.: *Лошадки перемалели у нас, крупные все перевелись* (Даль – без указ. места).

И. С. Улуханов такие случаи семантических отношений единиц мотивационных пар считает нерегулярными: «хорошеть – это не 'становиться хорошим', а 'становиться красивым или красивее' (признак, названный словом хороший, определяет здесь только внешность), умалять – не 'делать малым, маленьким', а 'снизить, преуменьшить роль, значение чего-л.', плошать – это не 'становиться плохим', а 'совершать оплошность, промах, ошибку'» [5, с. 81]. Для диалектной речи, по нашим наблюдениям, зависимость, о которой говорит И. С. Улуханов, относительна.

Должны сказать, что глаголы, квалифицируемые нами как префиксально-суффиксальные (с позиций семантико-грамматического словообразования), нередко исследователями рассматриваются в составе производных префиксальной структуры. Объясняется это влиянием традиционного представления приведенных выше глаголов как префиксальных единиц совершенного вида от бесприставочных глаголов-мотиваторов (не только на диалектном материале, но прежде всего в русском литературном языке), а также сложностью и специфичностью глагольной префиксации.

Широко распространенное в лингвистической литературе мнение о том, что слова, активно употребляемые людьми в качестве жизненно необходимых, характеризуются и соответствующей словообразовательной активностью, находит определенное подтверждение в наших материалах, но не может быть абсолютизировано. Так, в группе ИП, называющих цвет, в речи носителей говоров широко распространены (как называющие любимый цвет): *синий, розовый, серый* и др., однако производных от них глаголов по 2-3 единицы. Ср.: *осереть, посереть* (широко распростран.), мотивирующиеся 1-ым значением (из 5) ИП *серый* – 'цвета пепла, цвета, получающегося при смешении черного с белым // бледный, с оттенком такого цвета (о лице человека и о самом человеке с таким лицом)': *Всё в горях да в горе – посерела ажно вся* (арх.); *срзоветь, розоветь, порозоветь* (арх.), мотивирующиеся 2-ым значением (из 3-х) ИП *розовый* – 'бледно-красный'. Ср.: *Срзовела, ровно кофточка, сама-та* (арх.) и др. (всего 429 ед.).

Количество производных от одного ИП б) группы (единицы мотивационных пар моносемичны) колеблется от 2 до 6. Например: *высмуглеть(ся), засмуглеть(ся), осмуглеть, посмуглеть* (широко распростран.) – 'стать смуглым'; *выдобреть* (том., новосиб., кузб.), *подобреть, раздобреть(ся)* (широко распростран.) – 'стать добрым' – 'здоровым, рослым, упитанным, толстым' (о человеке и животном): *Ну, вот рос вялой, а в года вошёл – выдобрел. Второго телёнка несла, раздобрела, така коровишка стала* (том.); *засинеть* (смоля, перм.), *посинеть* (широко распростран.) – 'стать синим' (имеющим окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым; цвета цветков василька // с оттенком такого цвета). Ср.: *Засинел наш парень от холода, веди-ко его скория в избу*. В говорах Новосибирской, Горьковской областей, Алтайского края, кроме ИП *синий*, в том же значении употребляется прилагательное *кубовый*, которое является мотиватором для глаголов *закубоветь, окубоветь*. Ср.: *Сарафан не хотела красить, думала изрезать на половики, да жалко, краска остаётся, пусть окубовет, этот тьвет я люблю, да каг з белой залокотницей и поношу ишо, бог дас* (горьк.) и др. (134 ед.).

Количество производных от одного ИП в) группы (единицы мотивационных пар полисемичны) от 1 до 4. Наиболее часто глаголы образуются по модели о–... е-: *отяжелеть* – 2. Стать тяжелой (беременной) (яросл., новг., ленингр.); глагол *отолстеть* в 1-м значении мотивирован 2-м значением ИП *толстый* – 'имеющий полную, тучную фигуру, тело; полный'; во 2-м значении – оттенком 2-го значения ИП – 'беременная': *Упеть отолстела, поди уж третьего принесёт* (родит) (арх.); 3-е значение глагола мотивировано оттенком 1-го значения ИП: 'имеющий значительное поперечное сечение (о льде)' (енис.); 4-ое значение глагола мотивировано 1-ым значением прилагательного *толстый* – 'большой, значительный в объеме'. Ср.: *Отолстел ручей, ходить плохо* (мурман.) и т. д. Как правило, 1-ое значение глаголов мотивируется 1-ым же значением прилагательных, 2-ое – 2-ым, 3-е – 3-м, реже – 2, 3, 4 значения производных мотивируются 1-ым или 1-ое значение производных мотивируется 2, 3, 4, 5 значениями ИП (всего 131 ед.).

Лишь 9 образованиями в нашей выборке представлены глаголы г) группы, когда полисемичный глагол мотивируется моносемичным ИП: двузначные глаголы – *огуняветь, огунявиться, сгуняветь* (моск.) – 'стать гунявым' в 1-ом значении мотивируются одним из омонимичных прилагательных *гунявый*² – 'говорящий в нос, гнусавый'. Ср.: *Агунявила, ни прадахну*; во 2-ом значении – другим из омонимов – *гунявый*¹ – 'лысый, плешивый, облезлый от парши и сыпи' (арх., тул., тамб., том., яросл., астрах.). Ср.: *С жары да с чумки курки все огунявели* (яросл.). Ср. еще функционирующие во многих говорах русского языка глаголы *засопатеть(ся), осопатеть(ся), рассопатеть(ся)*, мотивирующиеся прилагательным *сопатый*.

В создании интересующих нас глаголов заняты префиксально-суффиксальный и префиксально-суффиксально-постфиксальный способы словопроизводства.

Дальнейшее внимательное изучение смысловой соотносительности единиц мотивационных пар не только глаголов, но слов всех грамматических классов русской диалектной речи, систематизация их значений и оттенков значений необходимы для нужд лексикографии.

Кроме того, интерес к производным СЗ 'становление признака' в последнее время обнаруживается в связи с исследованием языковой картины мира. Наличие большого количества мотиваторов, свобода смысловой соотносительности и сочетаемости словообразующих аффиксов с ними за счет функционирования языка диалектного типа (термин принимается не всеми лингвистами!) лишь в устной форме, собственные эстетические критерии диалектоносителей, их понимание правильного / неправильного, социальные оценки происходящего вполне могут повлиять на решение целого ряда вопросов, имеющих отношение к языковой картине мира. Но это уже предмет следующего описания.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981.
2. Литвинникова О. И. Словообразовательная парадигматика русского диалектного глагола // Дисс. ... доктора филол. наук. – К.: ИЯ НАН Украины, 1995.
3. Монастыренко З. А. Семантическая соотносительность производных имен действия и их производящих в современном русском языке // Автореферат ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1978.
4. Тихонов А. Н. О семантической соотносительности производящих и производных основ // ВЯ – № 1. – М., 1967.
5. Улуханов И. С. Слова, мотивированные формами слов // РЯШ – № 4. – М., 1986.

Лифанов К. В.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕТОД И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Для современной теории литературных языков в целом характерно признание того, что она сформировалась в самостоятельную лингвистическую дисциплину только благодаря возникновению функциональной и функционально-структурной лингвистики, что является одним из наиболее значительных достижений Пражской лингвистической школы [1, 113]. На практике же применение функционального метода в синхронном и диахроническом аспектах получило различное распространение. Если в отношении исследования современных литературных языков его позиции непоколебимы и в настоящее время никому не придет в голову идея расчленивать современные литературные языки на генетические составляющие, отбросить инородные элементы и изучать лишь автохтонные, то на уровне диахронии предшествующие младограмматические приемы оказались чрезвычайно живучи, поэтому история отдельных литературных языков, например, славянских, подается в искаженном свете и содержит многие стереотипы, необходимость преодоления которых в настоящее время ощущается как одна из наиболее неотложных задач языкознания [2]. Эти стереотипы объясняются, во-первых, тем, что еще далеко не всегда осознаются глубокие различия между литературными и «естественными» языками. Понимание этого должно стать одним из принципов научных исследований [3, 271]. Во-вторых, концепции развития отдельных литературных языков формировались раньше, чем теория и история литературных языков стала самостоятельной дисциплиной. И если для литературных языков, формировавшихся на основе народных говоров, младограмматический подход к изучению данной проблематики не оказывает столь существенного воздействия на результаты исследования, то для литературных языков, на возникновение которых существенное влияние оказал иной литературный язык, метод их изучения оказывается принципиальным. Влияние младограмматического подхода в русистике было еще чрезвычайно существенным полвека назад. Так, В. Д. Левин отмечал следующее: «Только игнорируя реальную историю литературных языков многих народов Запада и Востока, можно объявлять (как это делают некоторые авторы) «неправдоподобным» или даже «антипатриотическим» само предположение о возможности возникновения древнерусского литературного языка под старославянским влиянием <...> Надо вообще заметить, что... обнаруживается какая-то странная «боязнь» старославянских элементов в русском литературном языке. О них говорится «вскользь», как бы «с извинениями» [4, 114-115]. Русистика, однако, с течением времени преодолела младограмматический подход. В этом отношении большое значение имел доклад Р. И. Аванесова на VII Международном съезде славистов в 1973 г., который убедительно показал различие между историко-этническим и функциональным пониманием сущности генетически гетерогенного (а конкретно – церковнославянского) языка. «С первой точки зрения, древнецерковнославянский язык – это древнеболгарский язык, может быть, один из диалектов; он не был единым, включая в себя южнославянские элементы разных территорий, а также западнославянские. С этой, первой, точки зрения, он может рассматриваться как нечто внешнее («чуждое») по отношению к древнерусскому языку как восточнославянскому. Со второй точки зрения, он в равной степени принадлежит всем южным и восточным (а в раннюю эпоху также и части западных славян) и не может считаться чем-то внешним или чужим по отношению к языку древних восточных славян» [5, 6].

Подобный поворот в интерпретации истории литературных языков, однако, произошел не во всех национальных лингвистиках славянских народов. В частности, до настоящего времени функциональный подход к фактам истории словацкого литературного языка является нетипичным, хотя еще в XIX в. было отмечено чрезвычайно сходство развития русского и словацкого литературных языков. При этом в функции церковнославянского языка в Словакии выступал (древне)чешский язык. Так, кодификатор словацкого литературного языка 40-х гг. XIX в. Л. Штур писал следующее: «Тем, чем для русских и сербов был старославянский (точнее – церковнославянский – *К. Л.*) язык, для нас словаков, был чешский. Он тоже пришел к нам вместе со священными книгами и получил исключительное право в наших костелах...» [6, 72]. При этом, однако, возникновение словацкого литературного языка традиционно связывается с кодификацией А. Бернолака (1787), поскольку считается, что для признания какого-либо идиома литературным языком его кодификация необходима, а также потому, что в кодификации А. Бернолака словацкие элементы в количественном отношении